

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. А. Богданова
г. Москва, Россия

ОБРАЗ РАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1910–1920-Х ГГ.: ДИНАМИКА «УСАДЕБНОГО ТОПОСА»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
«Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд»
(проект № 18–18–00129) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Аннотация: В Западной Европе возникшая на рубеже XIX–XX вв. неомифологема города-сада восходила к давним урбанистическим проектам: во французской литературе — к утопическим образам «города-деревни» (Л. С. Мерсье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер), в немецкой культуре импульс к созданию города-сада был дан в начале XIX в. наполеоновскими войсками, разрушившими укрепления ряда средневековых городов. Однако русские писатели начала XX в., опиравшиеся на наследие «дворянской» литературы XIX в., имели, в отличие от западных, свой, оригинальный источник для развития названной неомифологемы — сельскую помещичью усадьбу, прочно вошедшую в дореволюционный быт России и ее словесность как проекция «рая на земле». Залогом успешной рецепции образа города-сада в русской культуре 1910–1920-х гг. стал «усадебный топос» как один из элементов «национальной аксиоматики», что свидетельствует о его пластичности и серьезном эвристическом потенциале, т. е. не только о принадлежности к ушедшей в прошлое помещичьей усадьбе XIX в., но и о способности к созданию новых культурных модификаций, например «города будущего» В. В. Хлебникова или «города-сада» в прозе А. Н. Толстого и в советской поэзии 1920-х гг. Синтетическая идея города-сада объединила «начало» и «конец» образа библейского рая — ветхозаветный Эдем и апокалипсический Новый Иерусалим.
Ключевые слова: рай, помещичья усадьба, «усадебный топос», город будущего, город-сад, первая треть XX в.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.01.2019

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Богданова О. А. Образ рая в русской литературе 1910–1920-х гг.: динамика «усадебного топоса» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 181–192.

Важное место в русской литературе XIX – начала XX вв. занимало изображение помещичьей усадьбы, часто воспринимавшейся как «рай на земле». Ее инвариант —

так называемый «усадебный топос» — сопровождал русскую культуру на протяжении нескольких веков, будучи одним из важнейших элементов «национальной аксиоматики» [14, с. 248]. И хотя, по Э. Курциусу, «всеприсутствие в европейской литературе топосов должно было <...> показать непрерывность линии, ведущей от античности к Новому времени» (цит. по: [10, с. 264]), т. е. свидетельствовать о единстве всей европейской культуры, в интерпретации русского ученого А. М. Панченко содержится мысль не только о неизменности топосов, но и об их определенной динамике. Ведь «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топику” <...> завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» [14, с. 236].

В самом деле, топосы «не являются принадлежностью индивидуального сознания», это «коллективны[е] представления, хотя проявляю[щиеся] в личном опыте. В индивидуальной интерпретации они приобретают новые оттенки значения и актуализируют тот смысл, который детерминирован <...> конкретной культурной эпох[ой] <...>» [2, с. 16]. Очевидно, что медленная эволюция семантики присуща топосам на протяжении столетий их бытования в той или иной культуре; однако быстрая смена социокультурных парадигм способна, по-видимому, порождать в топике заметные сдвиги, вплоть до мутаций. На наш взгляд, именно это происходило с «усадебным топосом» в русской культуре 1910–1920-х гг. Попробуем проследить на материале русской литературы первой трети XX в., как уходящие в глубь веков архетипы видоизменяются под воздействием неомифологического процесса.

Так как усадебный идеал в русской художественной прозе практически всегда помещен в прошлое: историческое (другая эпоха) или индивидуальное (детство, юность героев), — и дан как дар, без всяких трудов и усилий, то этот «земной рай» может ассоциироваться преимущественно с ветхозаветным Эдемом. Обрисуем его главные признаки. Сначала те, которые в культуре библейского ареала воспринимались с положительными коннотациями. К ним можно отнести: присутствие Отца в жизни людей (что обеспечивает внутреннюю гармонию: невинность, цельность, незнание греха, — а также дает чувство защищенности, делает легким исполнение желаний), сад как место обитания (красота природы, изобилие пищи), гармония с природой (отсутствие борьбы и тяжелого труда), миссия по обустройству мира-сада (творчество жизни), удовлетворение телесной чувственности и невинное наслаждение ею.

Далее обратимся к тем чертам библейской мифологемы Эдема, которые в культуре всегда вызывали отношение негативное. Это несовершенство (нет гарантированной вечной жизни для людей), неполнота знания (нет понятия о добре и зле), присутствие губительной тайны и запрета (на плоды с древа познания добра и зла), возможность вторжения разрушительной злой воли, коварства и искушения, итогом которого становится потеря «земного рая».

Все эти архетипические черты легко узнаются при чтении ряда «усадебных» произведений А. Н. Толстого, в частности рассказов «Мечтатель (*Аггей Коровин*)» (1910) и «Овражки» (1913). Начнем с того, что усадьбу Аггея, главного героя «Мечтателя», прямо называет «раем» приехавшая к нему гостя — столичная девушка Надя. Ее имя — Надежда — символично, так как одинокий усадебный Адам надеется обрести в ней свою Еву. Все в его обустроенной предками богатой усадьбе, простирающейся далеко за границы сада и включающей речку, лес и поле, радует человеческие чувства. Зрение услаждают прекрасные пейзажи: «поляна сада, где широко разрослись одичавшие розы, и два полукруга аллей, и старые яблони, и куртины сирени, окаймленные петуниями, ромашками, резедой» [18, с. 164]. Слух — «шум хвои» под ветром

и «крупного дождя» по листьям, «изумительный голос Нади» [18, с. 176, 179]. Обонянию доставляют удовольствие запахи цветов, трав, речной свежести, юной женщины... Приятные осязательные ощущения возникают от купания в прохладной реке, лежания в траве, любовных прикосновений... Об удовлетворенности вкуса свидетельствует завтрак на усадебной веранде: чай, свежее масло и т. п. В целом то же самое можно сказать и о родительской усадьбе героя «Овражков» Давыда Завалишина (см.: [18, т. 2, с. 54–62]). Соблюдена в рассказах и топография библейского Эдема: сад, деревья, река.

И Аггей, и Завалишин с удовольствием хозяйничают в своих усадьбах, близки к растительному и животному миру. Так, поутру Аггей «обнял морду коня, поцеловал его в серую губу. <...> подходя к решеткам конских стойл, он гладил рыжие сивые и черные морды, ласково губами ловившие его пальцы <...>» [18, с. 176]. Давыд Завалишин умиротворенно слушает, «как стонет курица на солнцепеке», «звонко ржет жеребенок на калде», «сонный пес принимается колотить хвостом о собачью будку» [18, т. 2, с. 54]. Адамова миссия по обустройству райского сада и попечении о его живых обитателях — в действии.

В этих рассказах легко просматриваются оппозиции жизни и смерти, невинности и греха, космоса и хаоса. Как в библейском Эдеме наряду с древом жизни произросло древо познания добра и зла, так и в прекрасном саду Аггея Коровина сломанная по указанию Нади (субститута библейской Евы) березка становится символом грехопадения героя. Первоначально целомудренный и невинный, как Адам в раю, Аггей с этого момента начинает стесняться собственного тела, Надиных обнаженных рук и коленей, стыдиться вожделения к девушке. Так возникает оппозиция невинности и греховности. Последняя вскоре концентрируется в образе петербургской куртизанки Машки Кудлашки, воплощении поруганной, «падшей» красоты. Райский усадебный космос контрастирует в рассказе с хаосом внешней жизни: мытарствами на железной дороге и встречей с демоническим искусителем Синицыным, растленным Петербургом, как бы перевернутым, обманным «парадизом». Сравним описание двух садов в рассказе — усадебного (описанного выше) и петербургского ресторанного, в котором герой искал Машку: «В саду, промозглом и прокуренном, Аггей <...> стал протискиваться сквозь шумную толпу гуляющих. Здесь все было фальшивое: и цветы, и гроты, и песок, — крашеное и захватанное, и даже листья на деревьях, как из жести» [18, с. 190]. Альтернативы потерянному усадебному раю в рассказе «Мечтатель» нет. Заметим, что подобный ностальгический пафос образует целую линию русской «усадебной» прозы первой трети XX в., в частности многие рассказы и повести И. А. Бунина, Б. К. Зайцева и др.

В «Овражках» бинарные оппозиции, формирующие структуру райского топоса, также достаточно отчетливы. Добро и зло представлены здесь, с одной стороны, уютным домашним очагом и любящими сына родителями, с другой — их молчаливой драмой, разрушающей единство семьи. Оппозиции жизни и смерти, невинности и греховности, космоса и хаоса — в противопоставлении детского рая усадьбы Завалишино и скучной обыденности Петербурга, чистой искренней Оленьки и «злой» «сладоэстрастной» Анны Ивановны, добротного мира старинной библиотеки и беззаконной крысы, устроившей пожар.

Героев обоих рассказов мучают воспоминания о потерянном рае, тоска по нему. Так, Аггей и в Петербурге не смог отказаться от целомудренного отношения к любви и женщине в угоду господствующим за оградой его усадьбы нравам — эскалации грубой похоти. Давыд Завалишин, получив отчаянное письмо умирающей Оленьки, оч-

нулся как ото сна, услышав «голоса всех ушедших и милых» [18, т. 2, с. 67], «понял, что он жив и хочет жить» [18, т. 2, с. 71].

Но если надежда на обретение любви, Евы-жизни, в обустроенном по библейской матрице усадебном Эдеме обманула Аггея, то Завалишин, напротив, ценой подвига вернул себе жизнь и любовь, правда уже за границами прежнего усадебного рая. В самом деле, в «Мечтателе» мотив Божьей кары за первородный грех окрашен фатальностью и окончательностью — последняя фраза Аггея звучит так: «Никогда, никогда теперь ее не увидеть...» (т. е. надежду, любовь, подлинную жизнь. — *О. Б.*) [18, с. 195]. В «Овражках» этот же мотив выражен иначе: кинувшись на зов Оленьки в смертельно опасный путь сквозь заполненные весенним половодьем овражки, Давыд оказался на краю смерти. Но, спасшись, он вновь обрел свою единственную любовь, снова оказался в раю, но уже в другом. Именно в этом рассказе возникает неомифологема рая, до тех пор в творчестве Толстого не присутствовавшая.

Герои «Овражков» буквально завоевывают своими действиями, своей активностью новый рай, лучше прежнего: «Мы вышли точно из огня и сейчас, как первые люди — влюбленные, чистые и мудрые» [18, т. 2, с. 79], — говорит Давыд любимой женщине. Примечательна данная здесь героем характеристика Адама и Евы. Так, в самой книге «Бытие» с первыми людьми соотносится лишь один из приведенных эпитетов — «чистые», да и то до момента соблазнения Змием и вкушения запретного плода, после чего они утратили чистоту как моральную (проявив зависть к Богу и безответственность), так и телесную (застыдившись своей наготы). «Влюбленность» как избирательное страстное чувство тоже неуместно между насельниками Эдема, уже сотворенными как «одна плоть». И о какой «мудрости» может идти речь по отношению к людям, так легко нарушившим свои обещания Творцу, от Которого полностью зависели их благополучие и сама жизнь?

Сходящий с небес Новый Иерусалим из «Откровения Иоанна Богослова», с которым отчасти ассоциируется увиденный Оленькой «воздушный остров» [18, т. 2, с. 78], также не допускает «влюбленности» — ведь «в воскресении», по словам Иисуса Христа, «ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22: 30). Герои «Овражков», напротив, становятся мужем и женой именно в процессе вхождения в новый мир. Так что обретенный ими рай явно неканонический, что вообще характерно для культурного сознания Серебряного века.

Этот рай возникает в эстетическом поле эпохи как прекрасная утопия, как неожиданно выросшее в синем небе «странное облако» — «лиловое внизу, оно было белым и розоватым, плотными клубами; словно плыл воздушный остров, с церквями, куполами и снежными деревьями» [18, т. 2, с. 77–78]. Вот здесь-то, внутри этого видоизмененного райского топоса, и поселяются наши герои: «Оленька дрожащей рукой ударила в раму, окно раскрылось, и комната наполнилась запахом земли и трав, криками воробьев, голосами и дальним топотом шагов <...>. Сквозь расцветающие кусты синело небо, чистое, лазоревое, теплое. Оленька подумала: “Ведь это небо, оно мое, оно прозрачно, оно покрыло всю землю” <...>» [18, т. 2, с. 80]. Это синтез рая земного и небесного, рая-сада и рая-города.

Одновременно этот завоеванный, оплаченный страданием рай, вбирающий в себя разрозненные элементы библейских образов: Эдема и Небесного Иерусалима, — является модификацией синтетической неомифологемы города-сада, на рубеже XIX–XX вв. получившей известность благодаря книге английского социолога-утописта Эбенизера Говарда «Города-сады будущего» (1898). Ее перевод на русский язык был

издан в 1911 г. под названием «Города будущего» и получил общественный резонанс. В 1910-е гг. в России возникло движение за города-сады, повлиявшее на градостроительную теорию и практику, в 1913 г. в Петербурге было образовано Общество городов-садов, а в Москве вышла книга В. Дадонова «Социализм без политики: города-сады будущего и настоящего», адаптировавшая идеи Говарда к российским условиям. Интересно, что в Западной Европе неомифологема города-сада рубежа XIX–XX вв. восходила к урбанистическим проектам столетней давности: во французской литературе извечное «противостояние природы и цивилизации» преодолевалось в утопических образах «города-деревни» (Л. С. Мерсье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер) (подробнее см.: [5, с. 21, 25]); а в немецкой градостроительной практике импульс к созданию города-сада из Фрайбурга-Бресгау был получен благодаря историческому событию — разрушению средневековых городских укреплений отходившими в 1813 г. наполеоновскими войсками (см.: [6, с. 28]). Однако русские писатели начала XX в., опиравшиеся на классическое наследие «дворянской» литературы XIX столетия, имели, в отличие от западных, свой, оригинальный источник для развития названной неомифологемы — а именно сельскую помещичью усадьбу, столь прочно вошедшую в русский дореволюционный быт и в русскую словесность. Но об этом ниже. Пока вернемся к явлению неомифологизма на рубеже XIX–XX вв.

Впервые о нем как об одной из определяющих черт культуры модернизма заговорила в 1979 г. З. Г. Минц (см.: [13]). С тех пор принято считать, что неомифологизм — основная черта модернизма XX в. В неомифологическом тексте смыслообразующую роль играют не только архаические мифы (космогонические, о культурном герое и т. д.), но и мифологизированные тексты предшествующей литературы, например «Божественная комедия» Данте, «Гамлет» Шекспира, «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и др. Встречаются и сугубо авторские мифы, обычно связанные с житетворческими практиками (например, миф о Прекрасной Даме русских поэтов Серебряного века А. А. Блока, Андрея Белого и С. М. Соловьева). Мифологизируются сами писатели и поэты; так, в Серебряном веке создаются мифологизированные образы А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и Достоевского (см.: [9, с. 12; 15, с. 199]). Также происходит мифологизация давних и современных исторических событий: Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны и т. д.

Кроме этого, в неомифологической парадигме архетипизируются персонажи предшествующих произведений, их мотивы, образы и т. д. Так, Федор Сологуб в 1920-е гг. мечтал написать трагедию о Сонечке Мармеладовой: «Взять хоть какой-нибудь миф Достоевского <...> “Преступление и наказание”, что ли, и создать из этого мифа трагедию. Сохранить только самый миф, обстановку, героев, конечно. Мармеладова так и должна оставаться Мармеладовой, но — язык, образы, — это будет свое» [17, с. 405]. В том же ключе мыслил и М. А. Волошин, еще в начале 1910-х гг. утверждавший, что русская трагедия рождается из классического русского романа, подобно тому, как древнегреческая — из предшествующей ей мифологии (см.: [3]).

Сам «миф об усадебной культуре» оформился только в начале XX в. (см.: [7, с. 3]). Смежным неомифологическим образом, возникшим, как нам представляется, на фоне «усадебного текста» классической русской литературы, стал в первые десятилетия XX в. город-сад. В нем есть одна отличительная особенность. Этот удивительный образ соединяет в себе крайние точки — начало и конец — мифологемы библейского рая. Действительно, по отдельности город и сад, вернее сад и город — это, с одной стороны, образ Эдема (из открывающей Библию книги Бытия), с другой — Небесного

Иерусалима (из последней книги Нового Завета Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис).

Пока не найдено документальных свидетельств о знакомстве молодого А. Н. Толстого с кругом идей о городе-саде уже в 1910-е гг. Но очевидно, что в фантазиях архитектора Буженинова, героя рассказа «Голубые города» (1925), Москва 2024 г. предстает именно городом-садом: «С террасы, где я стоял, открывалась в синеватой мгле вечера часть города, некогда пересеченная грязными переулками Тверской. Сейчас, уходя вниз, к пышным садам Москвы-реки, стояли в отдалении друг от друга уступчатые, в двенадцать этажей, дома из голубоватого цемента и стекла. Их окружали пересеченные дорожками цветники — роскошные ковры из цветов. <...> Растениями и цветами были покрыты уступчатые, с зеркальными окнами, террасы домов. Ни труб, ни проводов над крышами, ни трамвайных столбов, ни афишных будок, ни экипажей на широких улицах, покрытых поверх мостовой плотным сизым газоном. Вся нервная система города перенесена под землю» [18, т. 4, с. 51].

В пользу высказанного предположения говорит, как нам кажется, и концовка рассказа «Овражки», и сама дата его написания — 1913 г. — сравнительно с более ранним рассказом 1910 г. «Мечтатель», где герой — Аггей Коровин — обрекается на гибель в отсутствие идеала. (Вспомним, что книга Говарда в русском переводе появилась позже, в 1911 г.) Напротив, герои «Овражков», как было показано выше, уверенно входят в свой новый рай, несмотря на предшествующие грехи и даже преступление: Оленька желала смерти постылому мужу-священнику, который в глазах обоих любящих предстал воплощением злого, демонического начала. Здесь можно усмотреть столь характерный для Серебряного века выпад против «исторического христианства» и традиционной церковности.

Итак, основные черты обретенного героями рая — утопичность и выстраданность, он результат борьбы, *человеческих* усилий, игнорирующих церковные правила и установления. Сохраняя архетипические библейские черты, характерная для русского «усадебного текста» мифологема Эдема видоизменяется в творчестве А. Н. Толстого в сторону, обусловленную общим «эстетическим климатом» [8, с. 11] эпохи 1910-х гг. — его напряженной проективно-утопической интенцией.

Симптоматично, что в те же 1910-е гг. сходные тенденции наблюдаются в творчестве ведущего представителя русского футуризма В. В. Хлебникова. Молодая исследовательница П. А. Ворон (Скляднева) подробно прослеживает, как синтетический образ русской помещицкой усадьбы, восходящий к библейскому Эдему, отразился в архитектурных поисках будетлянина: «Идея поэта-мыслителя об отсутствии временных и пространственных границ, его числовая концепция легли в основу конструирования новаторских архитектурных форм “города будущего” — “сетчатых” структур (подробнее см.: [21, с. 459]), — во многом обусловленных автобиографической рецепцией усадеб и дач, в которых бывал Хлебников, как органического единства сада и дома, природы и человека, прошлого и будущего» [4, с. 69]. В самом деле, биография Председателя Земного шара тесно связана с сельскими и городскими помещицкими усадьбами и дачами: во-первых, детские годы Хлебникова прошли в поместье князей Чарторыйских Подлужное Волынской губ., летом 1910 г. он вместе с другими футуристами жил в усадьбе графов Мордвиновых Чернянка Таврической губ., также поэт гостил у родителей в усадьбе Алферово Симбирской губ., кроме того, каждое лето с 1916 по 1920 г. он проводил на даче-усадьбе Синяковых недалеко от Харькова, наконец, в 1919 г. будетлянин поселился в бывшей городской усадьбе князей Долгоруковых-Соллогубов в Москве (ул. Поварская, 52). Все эти места отмечены всплеском творческой активности

Хлебникова, а сама усадьба не раз возникает в его произведениях («Госпожа Ленин», «Происшествие в помещичьей усадьбе среднего достатка», «Алферово», «Усадьба ночью, чингисхань!», «Малиновая шашка» и др.). Отметив продуктивный характер образа усадьбы или ее элементов как в поэзии, так и в архитектурных концепциях Хлебникова («Мы и дома. Кричаль», «Город будущего», «Ладомир», «Утес из будущего», «Москва будущего», «И позвоночные хребты...» и др.), П. А. Ворон (Скляднева) заключает: «Усадьба <...> в контексте современного поэту дискретного мира предстает не только воплощением чаемой органики, но и предвестием ее всемирного распространения, а футурологический “город-сад” на русской почве становится одной из модификаций “усадебного топоса”» [4, с. 76].

Совсем скоро, в 1920-е гг., неомифологема города-сада прочно войдет в советскую поэзию. Кроме творчества самого А. Н. Толстого (в упомянутом рассказе «Голубые города»), она появляется в широко известном стихотворении В. В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929). В эти годы в Кузнецком бассейне в Сибири возводились гигантские металлургический и угольный заводы, а вокруг них — город в сотни тысяч людей, нынешний Новокузнецк Кемеровской обл. Стихотворение построено как диалог непокорной суровой природы и ее «укротителей» — коллектива советских рабочих:

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старую
телегою
рабочие лежат.
И слышит
шепот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
<...>
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
<...>

Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»

[11, с. 125–128]

Но ведь и усадьба — как рукотворный рай — это воплощенный диалог природы и цивилизации, стихии и человеческого разума; именно в ее пространстве достигалась на русской почве определенная гармония этих важнейших мировых сил: «[с] самого начала она претендовала на то, чтобы быть пространством культуры, но в естественном, природном ландшафте» [7, с. 16].

Псковская исследовательница А. Г. Разумовская считает, что город-сад в советской поэзии 1920-х гг. — это «эмблема и символ будущего»: «В поэтических рефлексиях образа “сада” преломлялись социально-утопические концепции революционного времени. В творчестве поэтов Пролеткульта (Ф. Шкулев, В. Кириллов, Н. Полетаев) модель нового мироустройства, оформленная в образе “планетарного” сада, основывалась <...> на мечтах народа о справедливости <...>. Масштабный замысел преобразования мира в “город-сад” был связан также с глобальным процессом урбанизации, еще в конце XIX в. захватившим Россию вместе со всем миром. <...> В поэзии одним из горячих сторонников идеи реального переустройства жизни был В. Маяковский <...>. Его утопизм носил ярко выраженный урбанизированный характер, а сам “город-сад”, как и у других представителей “левого” искусства, отличался космической масштабностью <...>» [16, с. 23]. Симптоматично при этом, что, утверждая идеал города-сада, Маяковский во вступлении в поэму «Во весь голос» (1929–1930) отрицал «барские садоводства поэзии» [12, с. 182], которые ассоциировал с дачно-усадебной культурой:

Засадил садик мило,
дочка,
дачка,
воть
и гладь —
сама садик я садила,
сама буду поливать
[12, с. 182].

Однако выстроенная им оппозиция свидетельствует о связи его воображения именно с усадебным идеалом, освобожденным от «эксплуататорских» и индивидуалистических элементов.

Хочется добавить, что перед глазами всякого человека русской культуры XIX — начала XX вв. был готовый образец сочетания природы и цивилизации, совмещения

естественного ландшафта с материальной и духовной культурой — помещицья усадьба как явление весьма распространенное на территории страны. Возведенная в множественную степень, усадьба становилась основой, клеткой, молекулой будущего города-сада. Даже такая характерная деталь «городов будущего» первой трети XX в., как обилие стекла — стеклянные потолки и стены воображаемых дворцов, — переключается с оранжереями, зимними садами и окнами-фонарями в усадебной архитектуре.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что в русской литературе первой трети XX в. именно «усадебный топос» стал если не главным, то весьма заметным субстратом такого важного для 1910–1920-х гг. культурного концепта, как город-сад. Это свидетельствует о пластичности и нерастратенном эвристическом потенциале названной культурной модели, которая была связана не только с уходящей в прошлое традиционной помещицьей усадьбой XIX в., но дала новые культурные побег, проявила способность к новым модификациям, например хлебниковскому «городу будущего» или «городу-саду» в прозе А. Н. Толстого и в советской поэзии 1920-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аверинцев С. С.* Рай // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 363–366.
- 2 *Булгакова А. А.* Топика в литературном процессе: Пособие. Гродно: Гродненский ГУ, 2008. 107 с.
- 3 *Волошин М.* Русская трагедия возникнет из Достоевского // Русская молва. 1913. 15 марта.
- 4 *Ворон (Скляднева) П. А.* «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // Артикульт. 2018. № 31. С. 69–78.
- 5 *Дмитриева Е. Е.* Город-сад и городской сад // Сад в городе: миф и реальность. Сборник материалов междисциплинарного семинара 20–22 сентября 2012 г. Псков: Псковский ГУ, 2012. С. 21–32.
- 6 *Дмитриева Е. Е.* Немецкое Эльдorado: город-сад в немецком Фрайбурге-Бресгау (экологический район Вобан) // Сад в городе: будни и праздники. Сборник материалов междисциплинарного семинара в Пскове 6 мая 2016 г. Псков: Псковский ГУ, 2018. С. 28–36.
- 7 *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- 8 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие: Тип. Новости, 1998. 471 с.
- 9 *Магомедова Д. М.* Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А. П. Чехова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2013. С. 11–19.
- 10 *Махов А. Е.* Топос // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2008. С. 264–266.
- 11 *Маяковский В. В.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // *Маяковский В. В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1968. Т. 8. С. 125–128.
- 12 *Маяковский В. В.* Во весь голос: Первое вступление в поэму // *Маяковский В. В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1968. Т. 8. С. 182–188.
- 13 *Миц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 59–96.
- 14 *Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.

- 15 Приходько И. С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д. С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 198–206.
- 16 Разумовская А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 34 с.
- 17 Смиренский В. В. <Воспоминания о Ф. Сологубе и записи его высказываний> // Неизданный Федор Сологуб / под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 395–422.
- 18 Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 1. 628 с. Т. 2. 760 с. Т. 4. 832 с.
- 19 Шевнин Ю. В. Сетчатые структуры и города будущего в творчестве Велимира Хлебникова // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 459–470.

©2019. Olga A. Bogdanova

Moscow, Russia

**THE IMAGE OF PARADISE IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE 1910–1920S:
DYNAMICS OF THE “ESTATE TOPOS”**

Acknowledgements: The research was carried out with support of the Russian Scientific Fund “Russian estate in literature and culture: domestic and foreign view” (project № 18-18-00129) at A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The neo-mythologeme of “city-garden” which arose in Western Europe at the turn of the 20th century goes back to long-standing urban projects: in French literature — to the utopian images of “city-village” (Mercier, Rousseau, Voltaire), whereas in German culture impulse for creating the “city-garden” was given in the early 19th century by Napoleon's troops which destroyed fortifications of medieval cities. Unlike their western counterparts the Russian writers of the early 20th century, basing on the legacy of “noble” literature of the 19th century, had the original source for development of the mentioned neo-mythologeme of their own — landowner estates projection of “paradise on earth” rooted in pre-revolutionary Russian life and Russian literature. The key to a successful reception of “city-garden” neo-mythologeme in Russia in 1910–1920-ies came to be the “estate topos” as one of the elements of the Russian “national axiomatics”. It indicates its plasticity and serious heuristic potential, and not only its belonging to the phenomenon of estate of the 19th century passing into history, but also the ability to create new cultural modifications, such as V. V. Khlebnikov's “city of the future” or “city-garden” in the prose of A. N. Tolstoy and in Soviet poetry of the 1920s. The author concludes that a synthetic idea of the “city-garden” has united “beginning” and “end” of the biblical Paradise image — Eden of the Old Testament and the apocalyptic New Jerusalem.

Keywords: paradise, landowner estate, estate topos, “city of the future”, “city-garden”, the first third of the 20th century.

Information about the author: Olga A. Bogdanova — DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Received: January 18, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Bogdanova O. A. The image of paradise in Russian literature of the 1910–1920s: dynamics of the “estate topos”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 181–192. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Averintsev S. S. Rai [Paradise]. *Mify narodov mira: Entsiklopediia v dvukh tomakh* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia in two volumes], chief editor S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992, vol. 2, pp. 363–366. (In Russian)
- 2 Bulgakova A. A. *Topika v literaturnom protsesse: Posobie* [Topics in the literary process: Handbook]. Grodno, Grodnenskii GU Publ., 2008. 107 p. (In Russian)
- 3 Voloshin M. Russkaia tragediia vzniknet iz Dostoevskogo [Russian tragedy will arise from Dostoevsky]. *Russkaia molva*, 1913, 15 march. (In Russian)
- 4 Voron (Skliadneva) P. A. “Usadebnyi topos” i “gorod budushchego” v tvorchestve Velimira Khlebnikova [“Estate topos” and “city of the future” in the works of Velimir Khlebnikov]. *Artikul't*, 2018, no 31, pp. 69–78. (In Russian)
- 5 Dmitrieva E. E. Gorod-sad igorodskoi sad [City-garden and city garden]. *Sad v gorode: mif i real'nost'. Sbornik materialov mezhdistsiplinarnogo seminarina 20–22 sentiabria 2012 g.* [Garden in the city: myth and reality. The collection of materials of an interdisciplinary conference of 20–22 September 2012]. Pskov, Pskovskii GU Publ., 2012, pp. 21–32. (In Russian)
- 6 Dmitrieva E. E. Nemetskoe El'dorado: gorod-sad v nemetskom Fraiburge-Bresgau (ekologicheskii raion Voban) [German Eldorado: a city-garden in the German Freiburg-Breisgau (ecological district Vauban)]. *Sad v gorode: budni i prazdniki. Sbornik materialov mezhdistsiplinarnogo seminarina v Pskove 6 maia 2016 g.* [A Garden in the city: weekdays and holidays. Collection of materials of the interdisciplinary seminar in Pskov may 06, 2016] Pskov, Pskovskii GU Publ., 2018, pp. 28–36. (In Russian)
- 7 Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. *Zhizn' usadebnogomifa: Utrachennyi obretnennyi rai* [Life off the country estate myth: Lost and found Paradise]. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p. (In Russian)
- 8 Likhachev D. S. *Poezii sadov: k semantikesadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [The poetry of the gardens: on semantics of the garden styles. Garden as a text]. Moscow, Soglasie: Tip. Novosti Publ., 1998. 471 p. (In Russian)
- 9 Magomedova D. M. Modeli pisatel'skikh biografii kak literaturnye universalii [Models of writer's biographies as literary universals]. *Problemy pisatel'skoi biografii: K 150-letiiu A. P. Chekhova* [Problems of writer's biography: To the 150th anniversary of A. P. Chekhov]. Moscow, Izdatel'stvo IWL RAS Publ., 2013, pp. 11–19. (In Russian)
- 10 Makhov A. E. Topos [Topos]. *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: Dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi — Intrada Publ., 2008, pp. 264–266. (In Russian)
- 11 Maiakovskii V. V. Rasskaz Khrenova o Kuznetskstroei o liudiakh Kuznetska [Khrenov's story about Kuznetskstroy and the people of Kuznetsk]. *Sobranie sochinenii: v 8 t.*

- [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 8, pp. 125–128. (In Russian)
- 12 Maiakovskii V. V. Vo ves' golos: Pervoe vstuplenie v poemu [At the top of one's voice: First introduction into poem]. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 8, pp. 182–188. (In Russian)
- 13 Mints Z. G. O nekotorykh “neomifologicheskikh” tekstakh v tvorchestve russkikh simbolistov [On some of the “neo-mythological” texts in the works of Russian symbolists]. *Poetika russkogo simbolizma* [Poetics of the Russian symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004, pp. 59–96. (In Russian)
- 14 Panchenko A. M. Topika i kul'turnaia distantsiia [Topic studies and cultural distance]. *Istoricheskaiia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. Results and prospects of study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 236–250. (In Russian)
- 15 Prikhod'ko I. S. “Vechnye sputniki” Merezhkovskogo (K problem mifologizatsii kul'tury) [“Eternal companions” of Merezhkovsky (On the issue of mythologization of culture)]. *D. S. Merezhkovskii: mysl' i slovo* [D. S. Merezhkovsky: thought and word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 198–206. (In Russian)
- 16 Razumovskaia A. G. *Sad v russkoi poezii XX veka: fenomen kul'turnoi pamiati* [Garden in Russian poetry of the 20th century: phenomenon of cultural memory: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2010. 34 p. (In Russian)
- 17 Smirenskii V. V. <Vospominaniia o F. Sologube i zapisi ego vyskazyvanii> [<Memories of F. Sologub and records of his statements>]. *Neizdannyi Fedor Sologub* [Unreleased Fedor Sologub], edited by M. M. Pavlova and A. V. Lavrova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 395–422. (In Russian)
- 18 Tolstoi A. N. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: v 10 vols.] Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 1. 628 p. Vol. 2. 760 p. Vol. 4. 832 p. (In Russian)
- 19 Shevnin Iu. V. Setchatye struktury i goroda budushchego v tvorchestve Velimira Khlebnikova [Mesh structures and cities of the future in the works of Velimir Khlebnikov]. *Velimir Khlebnikov v novom tysiacheletii* [Velimir Khlebnikov in a new Millennium]. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, pp. 459–470. (In Russian)